

Культура. — 1999. — 11-17 нояб. — с. 10

Скорпион как он есть

Александр Градскому — 50

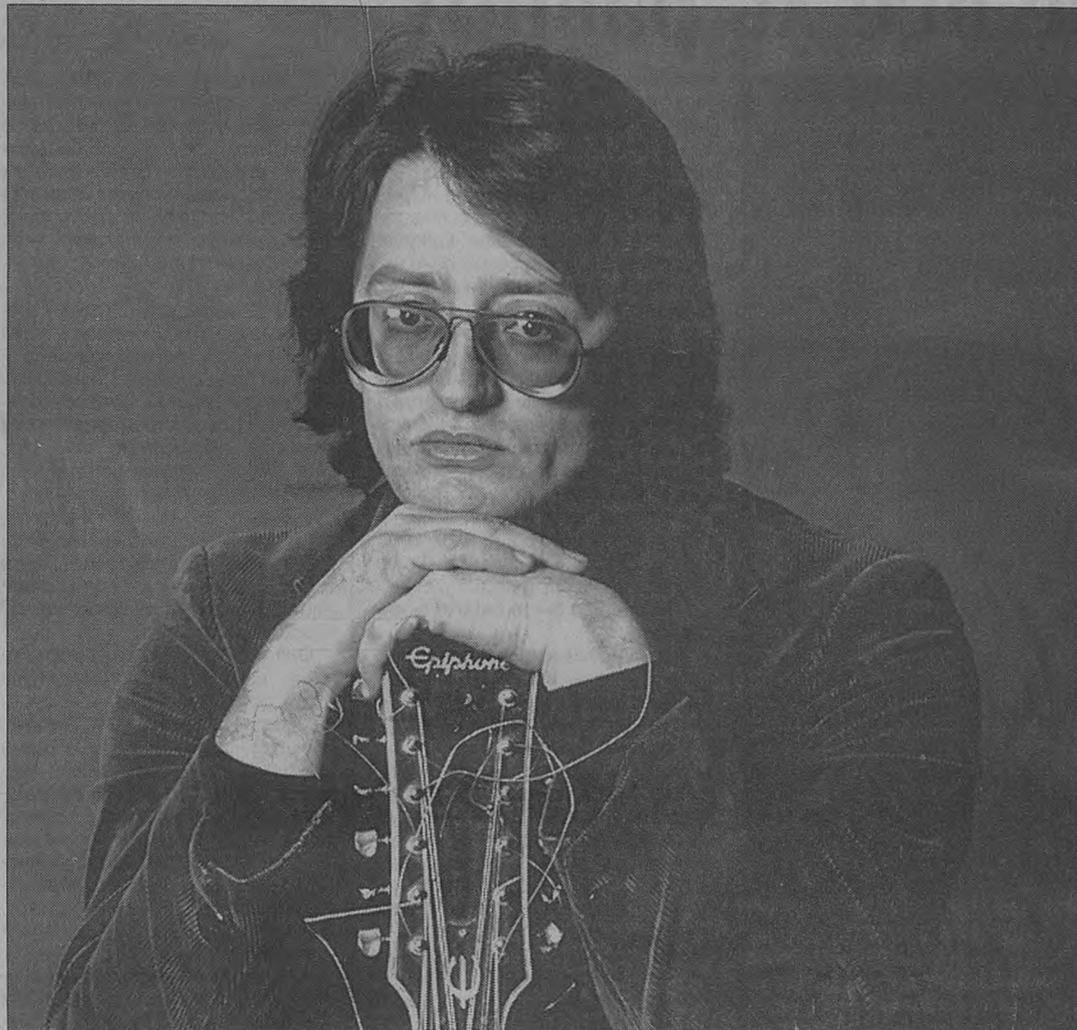

Фото В. ПЛОТНИКОВА

Неделю назад в ЦКЗ "Россия" чествовали всем известного, но не всеми "воспринимаемого" Александра Градского. Этот певец занял свою нишу в музыке и на эстраде, которую, собственно, никто иной и не смог бы занять. Дело тут и в таланте, конечно, но не только в нем: к таланту надо еще прибавить весьма "самостийный" характер.

Юбилейная программа включала четыре часа чистой музыки и такой разноплановой, что дальше некуда. Для начала — шесть оперных арий, резко контрастирующих друг с другом — лирических и драматичных, комических и трагедийных, исполнявшихся певцом в сопровождении Симфонического оркестра или Оркестра русских народных инструментов, а то и в сопровождении обоих. (Для Градского два оркестра не проблема, его голосу, по моему, под силу пробиться и сквозь орудийные залпы.) Затем последовали русские романсы, русские и итальянские песни, рок-хиты и, наконец, музыка самого Градского. В общем, на протяжении концерта неоднократно совершалась полная "смена декораций": сложнейшие рюкзачки сменялись сатирическими частушками, скороговорками, отличающимися подчеркнутой "обыденностью" речи. И сам артист, естественно, каждый раз предстал в новом обличье: с оркестром он — классик из классиков, с гитарой — типичный рок-н-ролльщик, а в ламп-флетах и пародиях — недюжинных способностей "подражатель"...

Публика, заполняющая зал, — самая разная, и во всем этом огромном разбросе представленных в программе жанров каждый находит себе что-то близкое, а я ловлю себя на том, что ищу "теоретическое" обоснование творческой личности артиста, связанное с его знаком Зодиака...

С этого и начался наш разговор с Александром Борисовичем, к своему удовольствию, как ни странно, весьма помолодевшим — еще бы, килограммов 15 сбросил, не меньше!

— Вид у вас блистательный. Очевидно, поверили рекламе и напятились власть "поглотителем жира"?

— Что вы! Я такую дрянь не жу! Просто строжайшая диета. Секрет один: все предписания выполнять неукоснительно. (Вот вам и "теоретическая" база: Скорпион всегда "умеет добиться всего задуманного!")

— Саша, признайтесь, "подделываетесь" под свой знак или с вас просто "списали" его главные черты?

— И не говорите — читаю, и все как будто про меня сказано, все мои плюсы и минусы, достоинства и недостатки. Вот, например, возможность мгновенно ориентироваться в любых обстоятельствах — это мое; способность мгновенно

принимать решения в любых ситуациях — тоже мое; умение непременно добиваться задуманного — сорок раз доказано; агрессивность — ее отмечают все, всегда.

— Может быть, по этой самой причине за вами и упрочилась слава бунтаря и задиры? Встряхнуть аудиторию, но не как все, не просто следуя моде, — это ваш главный принцип?

— Ну как вам сказать... Когда-то само мое появление на эстраде — длинноволосый, в черных очках, черном костюме, с гитарой, абсолютно свободно чувствующий себя на сцене и раскованно общающийся с аудиторией, — воспринималось как преднамеренный эпатаж. Действительно, поначалу старался от души. И теперь это есть, но в меру. Когда я с легкой руки Евгения Светланова спел в Большом театре Звездочета в "Золотом петушке", тоже стремился всех поразить: как это так, рок-н-ролльщик, эстражник — и вдруг выступает в "святая святых", с мощным оркестром, да еще поет такую безумно сложную партию.

— Но у вас и сейчас совершенно отчетливо прослеживается тенденция поразить публику...

— Что вы имеете в виду? Совмещение несовместимого? Я бы назвал это смелостью, может быть, наглостью, вызванными уверенностью — самоуверенностью! — в том, что я все могу!

— А вы и в самом деле в этом абсолютно уверены?

— Естественно. А если б не был уверен, то сделал бы все, чтобы обрести такую уверенность. А иначе — зачем "затеваться", зачем браться за то, что не под силу? Убежден, любой концерт — своего рода спортивное состязание, во всяком случае, испытываешь спортивный азарт. Заставлять публику прыгать из проруби в огонь — чрезвычайно интересно. И если тебе это удалось, если ты заставил их слушать и то, и другое, и третье — значит ты достиг цели. И это уже не просто эпатаж. Приходят на программу с самым разным настроением: кто-то поссорился с женой, кому-то нахамили в транспорте, у кого-то служебные неурядицы, а кто-то со дня на день ждет ареста. И каждый должен уже через минуту делать то, что я хочу. Должен мне доставлять удовольствие — не я ему, а он мне. Иначе зачем мне петь, если этого нет, если реакция каждого сидящего в зале не доставляет мне удовольствия. Нет никакого смысла выходить на сцену. Люди привыкают, устают от однообразия. И я всегда жду, чтобы сказали: опять он что-то придумал!

— Помню, вы как-то заявили, что для вас — только рок-н-ролльщики и Бетховен, Бах и Мусоргский, а вот Мендельсон, Чайковский (кроме 6-й симфонии) и "Пиковой дамы" — абсолютно

"не греют". Это из той же серии эпатажных, почти "детских" утверждений, которых у вас припасено такое великое множество?

— Все куда проще: речь идет о простоте языка, о смелости контрастных, абсолютно чистых, без расплывчатости, мягких переходов, "смикшированных" красок. Нет "полтонов" в звуковой палитре — яркие мазки, полусно противоположные, спорящие темпы, динамика, образные характеристики. Вот он рок-н-ролльный стиль, характер. Это именно я и отмечаю.

— Вас уже давно признали родоначальником отечественного рока. А вы сами ощущаете себя отцом-основателем?

— Да! Отец, начальник, ответственный за все, во всем виноватый. Но, надеюсь, что заслуги какие-то тоже есть. В общем, так получается, что я существую со всеми своими делами и поступками. И отказать от этого уже невозможно: все сложилось, и изменить уже ничего нельзя. Совершенно ясно: приклеил марку, и приходится по возможности ее нести. И беречь.

— Дошло до того, что вас даже сравнили с самим Александром

Сергеевичем: "Два Саша, два певца, два поэта, непохожи, но много общего, как обычно бывает у гениев: каждый отразил свое время, увидел своих соплеменников".

— Так это же мои друзья шутили. Я им позвонил, сказал: что — с ума сошли? А они хочочут.

— Но ведь не всегда журналисты так добры к вам: по моему, прошлой весной некий корреспондент посвятил вам, мягко говоря, весьма недоброжелательные строчки. И как же это вы на них не отреагировали?

— Я думаю, как раз и ожидалась моя бурная реакция. Но я выдержал почти полтора года. А вот буквально сегодня утром раздался звонок из редакции "Комсомолки" — это там было опубликовано, — он объяснялся, извинялся, просил интервью и т.д. Я ему очень спокойно и ясно растолковал, что давно мог бы поговорить по душам, послать кого следует очень далеко и надолго (а я, как известно, умею это делать!), но решил сдержаться и дожидаться объяснений со стороны редакции. А что касается интервью, назвал самый

короткий адрес, куда советую обратиться...

— Ходят слухи, что вы вообще не любите журналистов.

— Почему? Люблю. Мы с вами так давно знакомы, и вы это наверняка замечали. Я не люблю "журналигов"! А сейчас они очень настойчиво наседали на меня.

— А чем займетесь дальше? Приметесь за свои новые обязанности художественного руководителя и директора Московского театрально-концертного объединения? Впрочем, новые — это громко сказано, объединение-то, по моему, чуть ли не восьмью лет уже на горизонте маячит...

— Да, причем пять из них ушло на судебные тяжбы. Но теперь наконец появился свет в конце туннеля. Я нашел верных помощников (из шестидесяти отобрал троих), и самое главное — получил деньги от Московского правительства. Теперь — начинай и действуй! Как и что будем делать — узнаете по ходу дела. Как только, так сразу в колокол заьем.

Беседу вела
Мариям ИГНАТЬЕВА